Михаил Максимов

ПЕРЕЖИВАТЬ.
Стихотворения

Барнаул,
2020

Мне нравится этот поэт. Его образ существовал в голове, в ушах, перед глазами еще до выхода дебютной книги: стройный юноша, темная эспаньолка, выразительные руки. И контрабас (Михаил Максимов нередко выступает публично именно в сопровождении контрабаса Данилы Тирских. Получается музыкально-поэтический мини-спектакль. Контрабас создает контрапункт). Но когда читаешь книгу — понимаешь: контрапункт задается самими текстами.

«Городская лирика XXI века», «новый сентиментализм, воплощенный в сценических монологах и скетчах, в декорациях родного города», — цитируем аннотацию. И она не обманывает. Кстати, графическое решение оформления обложки (дизайнер Игорь Грефенштейн): на черном фоне — крест, образованный словом «Переживать» горизонтально и вариантами «и» или «е» вертикально, «переживать» или «пережевать» — выглядит многозначительно и элегантно, но и слегка кокетливо, на мой взгляд, потому что автор ничего, ни одной из множества деталей, попадающих в стихи, не пережевывает без переживания.

Книга разделена на четыре части: «Время», «Родился осенью», «Без», «Мир — город — люди» — поэт, словно то сужает угол зрения, то расширяет обзор. Лирический герой то глядит в «Кривое зеркало» (название стихотворения), то видит не видимое остальными — («Дети, как птицы, и наоборот»). Он — то сумасшедший, то робот.

Материнская плата строгая мама.
И я иду. Продолжаю жить.
И я иду. Продолжаю жить.
И я иду. Продолжаю жить.
И я иду. Продолжаю жить.

Он то исчезает, то отправляется назад в будущее, то снова возвращается в дым и быт настоящего.

ПЛАЦКАРТНЫЙ ВАГОН

Здесь всё, примерно как в аду.
Здесь все примерно спят,
Их лица добры или злы,
Их пуза толсты и худы,
Тела из мяса и воды,
Везёт их поезд — в там-туды.
Наверх и вниз по два ряда,
На храп, на хрип и забытьё...
Увиделся бы с вами днём,
Под чай и стук, в фольге еда.

Первый раздел книги, «Время», открывается заглавным стихотворением, в котором Максимов смело берет быка за рога.

ПЕРЕЖИВАТЬ

Годучай,
И беспечные степи
Через тонкие праведные пальцы
уснувшей казашки.
Алыча,
И ко мне тянутся дети,
Пытаясь достать до края
белой длинной рубашки.

Ничего,
Я могу удержаться в седле.
Я смогу в этих степях не остаться
облачной пылью.

Этот день
Расплывается солью во мне,
да и память красным коршуном
расправила крылья.

Успокой
Тёплый ветер мне в спину,
Сжатый воздух смешай
с бесконечною синькою неба.
Я душой
Ощущаю тонкие силы,
Что вплетаются в жёлтые косы
Кусачего лета.

Зримая картинка здесь одновременно и реалистична, и символична, и акмеистична, визуальные зацепки становятся серебряными гвоздиками, которые вонзаются в мозг, — и вот оно, читательское сопереживание. Все, что здесь написано, я как читатель вижу, осязаю, обоняю. Широта степи. Пыльный ветер, с которым надо уметь сразиться. Напряжение и освобождение души. В этом стихотворении Максимов не столько городской лирик, сколько азиатский лирик. Дальше, как мы увидим, орел спустится пониже — и заметит каждую букашку на теле земли.

Блуждая по книге Михаила Максимова, читатель словно слышит стук его сердца (простите мне этот городской сентиментализм), листает календарь чувств и ощущений автора. Мне лейтмотивом разных состояний и настроений лирического героя показалась некая изначальная, вне зависимости от времени года, неуютность мира и стремление к душевной гармонии и покою.

Я убит и влюблён в красоту сентября.
(«Гром»)

В зимней куртке отыскалась тыща,
Так удачно начался апрель.
(«Новый день»)

У Господа улыбки не могут быть злыми.
Так чья же улыбка этой зимы?
(«Попутка»)

Уроборос. На, не спеша — докури
Сизым дымом синеющий день в декабре.
(«Круги»)

Осень
Как терпкая приправа
К блюду из совести.
(«Вот она»)

Поезд из июля до Владивостока.
(«Тёмной башне Кинга»)

Время подобно мороженому.
Тает быстрей,
Чем мы успеваем ощутить его вкус.
(«Три»)

На самом деле, Михаил Максимов — успевает. И вкус, и цвет, и запах, и движение — все видит человек в черном, герой нашего времени.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Да, я герой! Надену пальто и чёрную шляпу,
Выкину вещи, сожгу паспорт, пристрою кота,
Употреблю аспирина пару стандартов,
Если застрелят — не будет болеть голова.
Выйду в промозглый, прокуренный город,
Сам закурю, избавив от иллюзий Творца.

Признаться, сначала вторую строчку на автомате прочитала как «Выкину вещи, сожгу паспорт, ПРИСТРЕЛЮ кота». Наверное, потому, что в какой-то момент уже начинаешь ждать от автора (героя) максимально экспрессивных, резких, порой беспощадных действий и определений.

Максимов — поэт городской. Ритм и тематика стихотворений задается ритмом жизни большого города. Сегодняшние сиюминутные детали воспринимаются и как знаковые, вневременные. Порой и не разберешь, Максимов идет по городу или Блок, или Родион Раскольников терзается своим смертельным вопросом. Стихотворение «Авангардное» я бы, скорее, назвала «Декадентское».

отрицаю себя и всех кто вокруг
сажусь на случайный трамвай
делаю круг
бесполезные месяцы
январь, февраль, март,
а вот и июнь. пекло-убийца. (...)

Надо бы провести статистический подсчет: сколько раз в стихах сборника «Переживать» идет дождь, сколько раз поэт погружается в тоску и апатию, хочет спрятаться ото всех, сколько раз возвращается в прошлое — в былую любовь и в детство. И здесь пронзительной нотой звучит память об отце. Нет, не об отце — о папе, даже о Папе.

Отец — какое холодное слово.
Папа — гораздо выше и ближе.
(«Папе»)

Михаил не боится показаться слишком сентиментальным. И финальное стихотворение не зря посвящено именно папе.

Сегодняшние молодые поэты нередко пишут, словно читают рэп: минимум метафор, типичный для рэпа ритм и темы. Поэтика Максимова скорее близка лучшим образцам рок-поэзии. Он копается в человеке (в себе), пристально смотрит вокруг, замечает и светлые, и неаппетитные детали сиюминутного и вечного мира. Ритм порой задается медитативными повторами.

Мокро-боязно на улице.
Замени для меня внутри,
Вместо всех моих внутренностей
Пусть горят фонари, фонари, фонари, фонари, фонари,
фонари, фонари, фонари, фонари, фонари, фонари.
(«Фонари»)

Некоторые стихи отдельно помечены как сатирические — но, в сущности, трезвый, саркастический, порой печальный взгляд на вещи присущ не только этим текстам.

Болен с осложнением. Тяжёлый сарказм.
Никогда не пойдёт на поправку.
(«Палата № 6»)

«Дети, подростки, взрослые, зверьки города» вызывают любовь, жалость, понимание, в конечном счете ты сливаешься с ними, «ты просветленный, ты космос, ты «Прима» с фильтром», ты — часть этого мира, то его песчинка, то демиург.

Сложно. Словно я снег,
Немыслимо белый,
Немыслимо ждущий
Своего воскресенья.
(«А вот и снег»)

Книга Михаила Максимова затягивает. Читая-перечитывая, ты словно погружаешься в зыбучий песок (а иногда — падаешь в воронку) авторского мироощущения. Надо ли говорить, что это и твое мироощущение, ведь каждый из нас — немного лошадь (читай: гаджет), все мы — городские лирики XXI века.

Кстати, книга приятна на ощупь, какая-то особая фактура у обложки. Края страниц закруглены, что тоже кажется концептуальным. Мне как эстету и кинестетику

приятно держать это издание в руках. Графика Эдуарда Аткунова в стиле вестерн-комиксов прекрасно рифмуется с текстами. В общем, дебютный сборник Михаила Максимова «Пережи(е)вать» хочется перечитывать (пережевывать?), смакуя.

Наталья Николенкова